

«ПЕСНЬ КРАСОТЫ» ретрорецензия

К 65-летию Ст. А. Айдиняна

В качестве заголовка статьи мы не совсем случайно использовали название одной из коротких новелл-медитаций, как это определяет сам автор, из книги Станислава Айдиняна «Атлантический перстень», которая появилась в уже давнем 1994 году, а краткое предисловие к ней написала ещё раньше – в 1989 году, Анастасия Ивановна Цветаева. Но к моменту выхода книги её уже не было в живых.

Станислав Артурович Айдинян, как это хорошо многим известно, был дружен с А.И. Цветаевой в последнее десятилетие её жизни, будучи её литературным секретарем и редактором, младшим другом и, можно сказать, конфидентом.

Небольшая по объёму книжка, содержащая новеллы, эссе, медитации, легенды, написанные в лучших мировых литературных традициях, особенно явственно несёт в себе отголоски и черты русского Серебряного века, поэтому краткое предисловие А.И. Цветаевой многое объясняет в ней – а ведь старейшая писательница, как это также хорошо известно, была живым свидетелем и участником, если можно так сказать, литературы и в целом культурной атмосферы Серебряного века.

Новеллы Ст. Айдиняна по точному и тонкому определению А.И. Цветаевой – один из ярких образцов интеллектуальной прозы, в которой она усматривала не только влияние русской словесности означенной эпохи, но и одного из известных западных романтиков XIX века – Новалиса, ибо, по мысли А.И. Цветаевой, «это крылатая проза, отлетающая от буден, улетающая в область чистой мысли, философской символики».

Поэтому в данном контексте есть все основания, как мы полагаем, говорить о «неосимволизме», одним из современных представителей которого является Ст. Айдинян, как в своей прозе, так и поэзии.

Один из столпов русского символизма Андрей Белый в своей широко известной книге «Символизм как миропонимание» сопоставляет это направление (одно из главных в искусстве Серебряного века) прежде всего с культом индивидуализма, но не в негативном смысле, который очень выразительно заявил о себе в эту эпоху. И наиболее важным в теоретической концепции символизма, разработанной А. Белым,

является тот момент, что он не считает символизмом чем-то абсолютным новым, а «лишь своеобразным сочетанием старых приёмов, их большей детализацией» (Андрей Белый. Ук. соч., М., «Республика», 1994, с. 25).

Интересно, что наиболее характерным в этом смысле представителем искусства эпохи, в том числе и символизма, Андрей Белый считает Леонида Андреева, отразившего в своём творчестве «обе тенденции русской литературы – социальную и декадентскую, реальную и призрачную, не слияние, а смешение, не единство, а параллель. (...) Смешение двух мирозерцаний не изгладилось с ростом его таланта: вот почему идейный хаос нарисовал ему картину жизненного хаоса!» (там же, с. 355).

Может возникнуть вопрос: зачем мы привели этот довольно пространственный пассаж и какое он имеет отношение к рассматриваемой нами книге Ст. Айдиняна?

Ответ мы бы дали следующий: Ст. Айдинян в своём творчестве, насколько оно нам известно, живо и творчески воспринял многие постулаты символизма и они в каком-то новом варианте и новой огласовке оказались совершенно налицо в таких, например, рассказах, как «Странная молитва», «Следом идущие», «Его превосходительство» – последний рассказ содержит если не столь явную, то скрытую отсылку (здесь прослеживается определённая реминисценция) к идейно-образному строю известного рассказа Л. Андреева 1906 года «Губернатор», в котором основным лейтмотивом является идея неизбежной смерти. Только у Ст. Айдиняна герой – генерал – не может уйти от разверзшихся перед ним врат вечности в условиях войны, а губернатор Л. Андреева ждёт неизбежной смерти от рук восставших рабочих, в которых он приказал стрелять. «Взмах красного платка, выстрелы, крики, кровь». И смерть от руки террористов была ему непременно обещана: «В час дня, ваше превосходительство».

Образно-стилистический строй и наполнение разных произведений Л. Андреева – таких как «Призраки», «Проклятие зверя» с рефреном «Возлюбленная моя!», отчасти «Елеазар» с его прямым восточным колоритом и постоянно звучащим мотивом бренности, призрачности и эфемерности человеческой жизни, определённо напоминают некоторые прозаические произведения Айдиняна, вошедшие в книгу – «Повелительница», «Унесённый временем», «Абсолют» и др.

Отчасти столь же правомерным представляется также и сопоставление книги Ст. Айдиняна с некоторыми произведениями Фёдора Сологуба, одного из ярчайших представителей русского символизма – «Страна, где воцарился зверь», «Призывающий зверя», «Любви», «Красота» – в последнем рассказе, да и во многих других, особенно ошутим излюбленный сологубовский приём – превращение, как бы прорастание в реальный мир неких фантастических, пререальных сфер. Это характерно и для некоторых произведений Ст. Айдиняна. Во многом сходным с Сологубом образом Айдинян ощущает хрупкость, эфемерность красоты перед лицом жестокой и тоскливой, будничной повседневной жизни. Однако в рассказах и эссе Айдиняна начисто отсутствует тот пряный, даже похотливый эротизм, который так сильно заявляет о себе в прозе Ф. Сологуба.

Проза Ст. Айдиняна очень поэтична и возвышенна и потому в целом позитивна, невзирая на трагическую тональность некоторых его вещей (например, рассказ «Повелительница» и др.). Именно таковы «Странная молитва», рассказ, основанный на древнегреческой мифологии, «Гефест и Пандора», «Атлантический перстень», «Гишина», «Обретение» и др.

Но рассмотрение творчества Ст. Айдиняна-прозаика, вернее, одного из его аспектов, было бы неполным, на наш взгляд, если не вспомнить в этой связи, казалось бы, несколько неожиданным образом один из классических литературных прецедентов – а именно И.С. Тургенева и прежде всего «Стихотворения в прозе», а также и так называемые «гаинственные повести», окрашенные мистическим колоритом, особенно рассказы «Призраки» и «Довольно», а также с предсмертными произведениями великого писателя «Песнь торжествующей любви» и «После смерти (Клара Миллич)». Во всех названных произведениях Тургенев определённо приближался к символизму и Серебряному веку, как бы предвосхищая его и во многом преодолевая традиционный классический реализм, первейшим представителем которого он был всегда, не отрекаясь от него. Странно, что исследователи явно недостаточно изучили этот пласт тургеневского творчества, хотя существует расхожее мнение, что Тургенев изучен вдоль и поперёк. Оказывается, не совсем. В лучшем случае литературоведы разного, особенно прежнего времени, писали о каких-то не совсем органичных для Тургенева мистических исканиях, глубококом пессимизме стареющего писателя на закате жизни и т.п.

Некоторые короткие притчеобразные рассказы Ст. Айдиняна «Memento mori», «Дерево», «Мгновение» в определённой мере заставляют вспомнить мотивы и интонации тургеневских «Стихотворений в прозе» («Как хороши, как свежи были розы...») и другие аналогичные произведения). И в этом, как нам кажется, нет особой натяжки – такое сопоставление, наверное, может быть небезынтересным.

Заклучая наши наблюдения, мы бы хотели сказать вот о чём: сквозь почти всю так изящно написанную эссеистику Ст. Айдиняна проходит мотив ожидания чуда, которое всё-таки должно совершиться, несмотря ни на что. Именно об этом совсем короткий, в несколько строчек рассказ «Песнь красоты».

«Мелодия чуда изредка возвращается с неба на землю. Неужели вы никогда не слышали её?» – обращается автор к читателям.

Очень хотелось бы услышать, да кажется, что, скорее всего, слышали.